

ИнеСса КоленЖук

ПРИЗРАКИ АНСАНА

18+

Инесса Коленжук

Призраки Ансана

<https://litres.ru/74188759>

SelfPub; 2026

Аннотация

Интеллигентная пятидесятилетняя женщина Анна уезжает на заработки в Южную Корею. Дома осталась дочь-отличница Виктория, ради будущего которой мать готова расшибиться в лепёшку. Но вместо дорамного глянца Анна оказывается на грязном и раскалённом химзаводе в промзоне Ансана, где люди пашут на износ под круглосуточным прицелом скрытых камер. Здесь, в душных цехах, действуют жестокие волчьи законы. Самым страшным испытанием для Анны становится не каторжный труд, не сорванная спина и не языковой барьер, а лютая, иезуитская подлость со стороны собственных соотечественников. Земляки готовы грызть и подставлять своих же ради копеечной выгоды перед бригадиром. «Ghosts of Ansan» («Призраки Ансана») — это правдивая и пронзительная повесть о настоящей жизни маленького человека. Книга о немой человеческой доброте, материнской жертвенности и о том, как посреди чужого ломаного языка и глухих стен не озлобиться, не сломаться и самому не превратиться в хищника в этой среде.

Содержание

Глава 1	4
СТО ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ КОРОБОК.	5
Пятница (Роковой день)	6
КОНЕЦ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ .	21
ГЛАВА 2. ЯИЧНИЦА ПОД СОЛНЦЕМ	22
Первый день после больницы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Призраки Ансана

Глава 1

**СТО ДВАДЦАТЬ
ВОСЕМЬ КОРОБОК.**

Пятница (Роковой день)

*Гул внутри завода бытовой химии
стоял настолько ошеломляющий, что
барабанные перепонки вибрировали в
такт тяжелым пневматическим
поршням. Металлический,
непрерывный, бездушиный лязг
заполнял все пространство — шум,
от которого человека не могли
спасти никакие беруши. Затяжной,
тонкий, тошнотворно-сладкий запах
стирального порошка висел в
воздухе цеха. Воздух вокруг
казалось был
чистым — как того требовала
гигиена труда.*

Анна стояла у деревянного поддона, и её руки уже давно перестали ей принадлежать. Они словно застыли в воздухе, секунда за секундой выполняя одно и то же изнурительное движение: перехватывая на лету тяжелые картонные коробки, укладывая их на палету, плотно стПолдон рос вверх. Восемь рядов в высоту, шестнадцать в ширину. Ровно сто двадцать восемь коробок со стиральным порошком в одном монолите — железный, непреклонный закон этого цеха. К концу своей смены она должна была сдать шесть таких монолитов — семьсот шестьдесят восемь тяжелых коробок, прохо-

дящих через её руки.

Каждая упакованная коробка давалась Анне с боем, особенно когда ей приходилось забрасывать седьмой и восьмой ряды вверх. От дикого напряжения в позвоночнике, казалось, открывался разлом, словно кто-то раз за разом пронзал её из самой глубины длинным шилом. И её руки...Складывая эти коробки день за днём, Анна только теперь поняла, насколько сложны её руки с точки зрения мышц — абсолютно каждая из них ныла, и она даже никогда не подозревала о существовании половины из них раньше. Ее ноги гудели где-то глубоко внутри, словно внутри натянули металлический трос. Эта ноющая боль сопровождала её постоянно в последнее время. И днем, и ночью.

- Люди оплатят деньги за фитнес, ездят специально в зал, а у меня каждый день он бесплатно... Вон какая нагрузка... А ещё деньги заплатят - подбадривала Аня себя во время подъёма тяжестей.

- Смотри так и похудею... Это же замечательная новость - продолжала она искать плюсы в своей работе.

В нескольких шагах от неё вдоль сборочной линии стояли Аджумма Пак и Аджумма Ким — две местные корейские женщины под шестьдесят, мрачные и заматерелые ветераны конвейерной ленты. Они работали с леденящим, расчетливым равнодушием. Периодически замедляли свой темп, пропуская пачки мимо себя по ленте, создавая затор, чтобы завалить Анну товаром ради того, чтобы посмотреть, как она

сломается. Ради своих жалких заводских бонусов и чтобы не умереть со скуки от монотонности, они были готовы заживо сожрать любого новичка.

— Сколько вас тут меняется каждую неделю, — небрежно бросила Аджумма Пак, махнув рукой в сторону выхода из цеха.

Она сказала это новичку сразу, в первый день, еще во время первой половины смены.

— А некоторые убегают через день или два — с удовольствием поддакнула другая ветеранша производства.

Они повторяли эту фразу каждый божий день в начале смены вместо «здравствуйте», глядя на Аню с презрением. Но женщина отработала почти три недели. И их раздражал её несгибаемый характер. От этого им было только интереснее продолжать проверку иностранки на прочность. Аджумма Пак заметила, что Анна начала замедляться. Пока Анна отвернулась, чтобы поднять очередную тяжелую коробку, Аджумма Пак тайком потянулась вперед с промышленными ножницами и скрытно перерезала сзади эластичный ремешок защитной маски-респиратора Анны.

Маска тут же соскользнула с ее лица. Анна сделала резкий вдох, вдохнув сладковатое облако токсичной пыли стирального порошка. Острая боль взорвалась в левой части её груди. Вопреки дикой боли, Анна отказалась падать на глазах у всех и доставлять им такое удовольствие. Сжав грудь, с синеющими губами, она направилась в уборную.

Внутри заводского туалета она сразу попадала в другой мир. Толстые двери надёжно отсекали нудный, сводящий с ума шум цеха. Эта комната была прохладной и свежей. Идеально чистые кафельные стены дышали прохладной стабильностью.

В прошлом Анна даже не заметила бы такого контраста, отмахнувшись как от какой-то ерунды. Но оказавшись в заводском цеху, где каждую секунду со всех сторон что-то грохотало и лязгало, где три пары глаз смотрели враждебно, она невольно ощутила спасительную тишину уборной. Она подошла к зеркалу. В безупречном стекле на нее смотрела уставшая, пятидесятилетняя, взбудораженная женщина, смертельно истощенная и взвинченная до предела. Белки глаз были слегка налиты кровью, а от хронической бессонницы под ними залегли глубокие синие впадины.

Анна сердито, упрямо посмотрела сквозь близорукие линзы очков и тихо, с яростью прошептала своему отражению:

— Твари. Сволочи. Зачем? Ну почему? Ни одной слезинки перед вами не прольется.

Дрожащими руками она принялась лихорадочно плескать на лицо ледяную воду, так что крупные капли падали на рабочий халат. В горле сильно першило. Анна начала кашлять — громко, хрипло. В этот момент дверь открылась. В комнату вошла молодая корейская лаборантка в белоснежном халате и шапочке на голове. Проходя мимо, она скользнула

вежливым взглядом по Анне и приветливо кивнула. Пока со-трудница была в кабинке, Аня оставалась у раковины, про-должая смачивать лицо и пить воду из-под крана. От этого становилось самую малость легче.

Девушка вышла из кабинки, и их глаза на секунду встре-тились в отражении. Безмятежная кореянка подошла к со-седней раковине и подставила под струю воды свои ухожен-ные маленькие ручки.

И в тот самый момент, почувствовав горячий прилив по всему телу, у Анны резко поплыло перед глазами. Она стала терять равновесие, комната закружилась. Анна успела сооб-разить и тут же прижалась к кафельной стене. Она начала плавно оседать на пол.

Лаборантка громко ахнула и быстро подставила свои мок-рый руки под голову, спасая затылок от удара о камень. Де-вушка с тревогой всматривалась в лицо Анны, и взволнован-но спрашивая о чем-то по-корейски.

Анна смотрела отстраненно. Посидев на холодном полу пару минут, Анна пришла в себя и, держась за стену, ста-ла медленно подниматься. Девушка заботливо помогала ей, поддерживая под руку, дойти до лаборатории — ближайшей комнаты. Внутри лаборантка бережно усадила её на длин-ную кушетку для отдыха персонала, а затем мягкими, ува-жительными знаками показала, что Анна может лечь. Она помогла ей и подложила что-то под голову.

В лаборатории, на удивление, ничем особенным не пахло.

Или у Анны просто отказало обоняние, как это уже бывало с ней во время официального ковида и трижды — неофициального. На фоне сильнейшего стресса окружающий мир порой терял для нее все запахи.

Вскоре дверь открылась, и в комнату вошел начальник завода. Лицо его было озадаченным и озабоченным. Он подошел к кушетке и пристально посмотрел на женщину. Затем он заговорил тихо с коллегой, чтобы лежащая Анна ничего не слышала. Но ему не нужно было соблюдать такие меры предосторожности. Она все равно ничего не понимала по-корейски, особенно когда говорили быстро. Они оба вышли в коридор решая, как поскорее выпроводить иностранку, чтобы избежать проверок трудовой инспекции и потери бонусов.

Начальник вызвал своего знакомого таксиста.

Пока Анна лежала, её сознание уплывало в воспоминания нескольких месяцев давности. Домой. В тот самый переломный день на родной кухне...

За окном стояла мерзкая, серая погода — затяжные осенние дожди. Дождь монотонно стучал по стеклу, словно твердил о том, как все в этой жизни плохо и грустно. Анна стояла у плиты и молча, сосредоточенно помешивала говядину. Дорогое мясо она позволить себе не могла, поэтому покупала на рынке свежие кости. Чтобы бульен получился идеальным для её капризного, привередливого мужа, она вымачивала их часами и варила полдня, снимая пену. Суп наполнял

всю кухню густым, мясным запахом. На правом краю стола лежала раскрытая тетрадь в клеточку с записями и стоял открытый ноутбук со сложными программами.

В дом, нервно покашливая, вошел муж. Анна мгновенно подобралась и стала прислушиваться, а сердце испуганно забилось, предчувствуя беду. Супруг, не снимая мокрой от дождя куртки, быстрым шагом направился прямо на кухню.

Женщина сжалась внутри. Каждый нерв задрожал и зазвенел, словно соревнуясь друг с другом в вибрации. Она инстинктивно приоткрыла крышку кастрюли, лишь бы занять свои трясущиеся руки, надеясь, что волшебный, манящий запах любимого супа хоть немного смягчит супруга.

В руке мужа был белый лист — распечатка из банка с огромной суммой просроченного долга. Из темного коридора на звук шагов молча заглянули двое их детей-подростков.

— Аня... Это что у нас тут за новости? — спросил он с леденящей ухмылкой. — Что это значит? Что еще за кредит ты взяла?!

Анна застыла у плиты, не поворачиваясь к нему лицом.

Её рука с половником судорожно дернулась. Она стала кусать губы, пытаясь подавить внутреннюю дрожь, и тихо, заискивающе произнесла:

— Вот, милый, супчик твой любимый варю, так хочется тебя порадовать вкусеньким...

— Ты меня уже порадовала — ответил муж с тяжелым, раздавливающим сарказмом. — А главное — так неожидан-

но. На что ты его взяла?

— Я хочу переучиться. И начать зарабатывать из дома. Сейчас ведь столько вариантов, столько возможностей.

— Кто тебя через интернет может чему-то научить? На таких дурах, как ты, деньги и делают!

— Но там показывали тех, кто уже преуспел! — сорвалась Анна на защищающийся, растерянный тон, едва сдерживая слезы. — Да, там сложно... но обещают помогать и отвечать на любые вопросы. Мне тяжело физически работать с моим давлением. И головные боли меня измучили.

— Почему ты со мной не посоветовалась?

— Тебя не было рядом.

— И что? Подождать не могла?

— Но там скидку давали в первый час, первым 10 оплатившим и рассрочку.

Муж сделал стремительный шаг вперед и со всей силы, оглушительно ударил ладонью по столу, отчего открытый ноутбук и тетрадь жалобно вздохнули. Ухмылка мгновенно исчезла с его лица. Глаза налились злобой.

— Я всегда считал тебя умной и дальновидной! — громко рявкнул он в упор. — Чем ты теперь этот кредит выплачивать собираешься?! Ты же безработная.

— Я... я... Заработаю... — едва слышно выдохнула Анна, сглатывая горький ком.

— Дура. Я и пальцем не пошевелю. Сама расхлёбывай, — жестко отрезал муж. С этими словами он грубо засунул

квитанцию ей за шиворот домашней кофты. Жёсткая и холодная она не приятно скользнула по разгоряченной от пара шеи. Анна содрогнулась. Муж резко развернулся и ушел, хлопнув дверью.

В коридоре подростки презрительно переглянулись между собой.— Мама реально того... так вляпаться, — шепотом обронил сын сестре. — Теперь из-за неё папка орать каждый день будет.

... Больничные коридоры везде одинаковые — встечают казенной прохладой и чужой смертью. Приветливый таксист начальника, который заботливо помог Анне сесть на заднее сиденье и всю дорогу пристально поглядывал в зеркало заднего вида на изможденную женщину, проводил в вестибюль больницы. Там он почтительно поклонился по-корейски и ушел. В вестибюле было тихо, чисто и просторно. Людей было немного. Женщина и трое мужчин, которые сидели молча.

Анна вошла нерешительно, озираясь по сторонам. Она подошла к посту сортировки. Её определили в не критическую категорию, поэтому ей предложили ожидать.

Время потекло медленно. Сначала два часа она сидела в углу, пока врачи принимали тяжёлых пациентов, которых привозили со специального въезда для скорых.

Потом её вызвали взяли кровь и сделали рентген лёгких, после чего снова вернули в зал - ещё на два часа, пока лабо-

ратория загружала результаты в компьютер. За это время у Ани боль в груди плавно перетекла из сильной в ноющую.

-Надо же такому случиться - разговаривала она сама с собой в казенной тишине. - Но вообще то маленькие звоночки уже были с утра при мысли о работе. А потом это лёгкое нытьё после обеда... Так что нечего удивляться. Просто не думала что дойдёт до больницы.

Около одиннадцати ночи начались долгие разбирательства со страховкой на ресепшене. Клерки вручную пересчитывали стоимость каждого анализа по самому высокому коммерческому тарифу. Сумма оказалась огромной - триста долларов. Таких денег у Анны с собой не было, её ведь привезли в больницу прямо с завода. А саму зарплату за три недели каторги ей ещё не выплатили.

Под угрозой вызова миграционной службы её заставили подписать гарантийное обязательство, по которому она должна выплатить этот долг клинике.

Вскоре уважительно пригласила пройти в кабинет. К удивлению Анны, молодой корейский доктор и медсестра отнеслись к ней невероятно доброжелательно и чутко, что приятно её поразило. Ей аккуратно сделали два укола, а затем проводили к окошку выдачи лекарств прямо в вестибюле. Там ей выдали медицинскую справку-заключение и медикаменты, упакованные автоматом в индивидуальные прозрачные порционные пакетики на каждый день. В бланке справки значилось: «Тяжелый физический труд противопоказан».

Эта справка слегка удивила и смутила Анну — внутри неё сразу включился тревожный калькулятор:

«Справка — это хорошо. Но как мне доработать до конца месяца на заводе? Мне же нужно получить всю зарплату, а тут... »

Доктор сочувственно кивнул, передавая документы. Угрозы для жизни не было.

Анна вышла в вестибюль и достала телефон. Его экран был абсолютно черным — батарея полностью села. Она лихорадочно проверила карманы, денег не было. Вестибюль больницы был мертвенно пуст, вокруг царило полное одиночество. Попросить о помощи было некого.

Она не ждала чуда. Она решительно поправила очки и шагнула за стеклянные двери, на ночную улицу.

На нее вздохнула парная ночь. Тихая, ласковая. Женщина шла по освещенной улице мимо домов с черными, спящими окнами. За ними была другая благополучная жизнь, в которую ей не было доступа.

Аня двигалась, чувствуя как где-то глубоко внутри, ворохается холодный, липкий страх. Но она не позволяла ему захватить контроль. Она знала, что не может себе позволить расслабиться или растаять, как шоколад на солнце.

— Соберись. И иди смело, — отдала она себе жесткую внутреннюю команду. — Не надо бояться...

Впереди простиралась незнакомая и бесконечная часть

Ансана. Когда то, много лет назад, у неё был опыт нахождения ночью в чужом городе, в незнакомой стране с благополучным концом. В минуты неуверенности Анна всегда вспоминала, как в юности научила мама :

- Не знаешь куда? Спроси у людей, они подскажут. И запомни - язык до Киева доведёт.

Женщина уверенно двигалась вперед. Но постепенно этот спящий неоновый город, похожий на лабиринт, начал вызывать у неё сомнения и неуверенность. Да и язык она этой страны не знала. Так что нарастающая тревога была естественной.

Анна почувствовала, что в этот сложный момент она может положиться только на Бога. И дальше она пошла с отчаянной молитвой в уме, прося помощи у всех по очереди: и у Божьей Матери, и у Бога, и у Ангела-Хранителя.

Дорога тянулась по освещенным безлюдным улицам. Анна часто вглядывалась в вывески, которых не понимала, но надеялась найти интуитивную подсказку, знакомое здание или поворот ... Но город словно издевался, подсовывая одинаковые, бездушные фасады.

Чужой язык, чужие знаки, мёртвая тишина чужого города. Порой ей казалось, что ноги и голова даже не спорят. Они двигаются автоматически, выбирая, куда двигаться дальше. А Аня послушно шла и наблюдала за этим уверенным компасом внутри себя. И ведь действительно, путь складывался правильно.

Но через какое-то время в голову закрались новые думы. Они вцепились в неё мёртвой хваткой. Женщина принялась беспощадно ругать себя за свою доверчивость:

«Какая же я наивная... Почему я поверила в эти IT-курсы? Зачем я взяла кредит? И ради чего я гнию теперь на этой чужбине? А инфоцыгане за мои деньги жируют на море»

Спустя время она поняла, что заблудилась. Что уже третий раз возвращается в глухое место промзоны. И тут же накатила тихая паника. Безлюдно. Ночь. И она одна в чужом незнакомом городе.

- Стоп! Нужно снова молиться. - решила Анна.

Она взяла в руку крестик, что висел у неё на шеи, поцеловала, стала в полголоса просить :

- Господи, милостивый, помоги и направь меня, пожалуйста! Спаси и Сохрани!

Потихоньку вернулась тишина в душу. И вскоре, на счастье женщины, где не было и не должно ни одного человека, вдруг из темноты вышел навстречу ей молодой кореец. Парень шёл легко уткнувшись в экран дорогого смартфона. Полностью отгороженный от этого мира беспроводными наушниками. Свободный и сытый гражданин этой процветающей страны. Аня поняла, это её единственный шанс и переборов неуверенность, шагнула ему наперерез.

- Чогйё...Ёк... Оодиеё? - голосом, срывающимся на хрип, на ломанном корейском обратилась к она.

На её жалкий сип, парень отреагировал не разу. Молодой

человек с удивлением остановился. Достал один наушник. И пристально взгляделся в неё.

Перед ним стояла взлашмоченная и усталая иностранка. В его взгляде промелькнуло замешательство. Но парень не отвернулся и не ушёл. Напротив его лицо смягчилось. Анна снова на корявом корейском повторила вопрос :

- Чогиё?... Ёк.одиеё ?

Симпатичный парень в худи, видимо, немного задержавшийся после смены, приветливо протянул руку вперед, указывая пальцем направление далеко налево.

И тут перед её глазами вспыхнула картинка из прошлого. Яркое солнце заливало уютную комнату. Маленький, семилетний сын Ани с чистой, ангельской улыбкой протягивал руку над столом, передвигая деревянную фигурку по шахматной доске. Мальчик весело смотрел на маму, ожидая её хода. Вокруг царило абсолютное семейное счастье.

Реальность вернулась резким, холодным щелчком. Перед ней стоял чужой, взрослый парень. Его указующая рука возвращала её в настоящее. Глаза наполнились слезами, от тоски по любимому сыну. По той прошлой спокойной и счастливой жизни...Эта смесь ностальгии по утерянному раю и острой боли настоящего душила её. Она кивнула, поблагодарила парня по-корейски и пошла вперед по указанному пути.

В свою пустую комнату хостела Анна буквально приползла.

Это была дешевая, подвальная каморка без окна. Воздух здесь стоял тяжелый, затхлый, со вьевшимся запахом сырости и старой извести. Из всей скромной обстановки в комнате была узкая кровать низкий и деревянный стул.

Едва притворив за собой хлипкую дверь, Анна без сил присела на край чистой постели.

- Боже мой, я добралась, я смогла... Даже не верится...

Её хваленая выдержка, её «несгибаемый характер» — всё это в один миг рухнуло.

Сначала Анна начала плакать тихо, беззвучно, лишь плечи судорожно вздрагивали. Но постепенно тело трясло всё сильнее, а из горла начал вырываться прерывистый, хриплый звук. Слезы текли обильным потоком. Женщина больше не могла сдерживаться. Она разрыдалась в голос. Тяжело. Истощенно. Громко всхлипывая.

Вдруг через тонкую стену из соседней комнаты раздался яростный, тяжелый удар кулака.— Рот закрой, дура! Заткнись! Людям спать надо! — дико заорал соседский голос из-за стены.

Анна поперхнулась воздухом, оборвав рыдание на полуслове. Она мгновенно замерла, намертво прижав ладони к губам. Женщина схватила подушку и уткнувшись продолжила плакать.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ .

ГЛАВА 2. ЯИЧНИЦА ПОД СОЛНЦЕМ

Первый день после больницы

Всю ночь в тяжелой полудреме Анна видела то лицо недовольного мужа, то плачущую мамочку. Голова была тяжелая. Она заставила себя открыть глаза.

— Давай, Анюта, просыпайся. Слава Богу субботнее утро, — тихо сказала она самой себе в этой пустой темноте. — Что толку валяться.

Она сразу почувствовала, как глубоко в груди неприятно скребет, а каждая косточка измученного тела просила еще полежать. Руки, ноги, плечи, спина — они не просто ныли, они голосили все разом, требуя неподвижности. Два вчерашних укола, которые ей сделали в больнице, немного успокоили сердце, но они были бессильны против дикой, накопившейся усталости. Физическая боль все три недели каторги на конвейере, никуда не ушла — эта изматывающая ломота тянулась красной линией через каждый её день в Ансане. Временное онемение бесследно испарилось в темноте субботнего утра. На деревянном стуле возле кровати, рядом с телефоном, сиротливо стояли кружка с остывшей водой и несколько

прозрачных порционных пакетиков с таблетками. Бездушный корейский автомат расфасовал боль по дням недели.

— Да, всё ноет... А как ты, дорогая, хотела? — продолжила она сама себе читать горькую нотацию.

— Будешь знать в следующий раз, как лезть на курсы в интернете и брать кредиты... Так что всё. Подъем.

Но... тело упорно отказывалось слушать команды. Оно безвольно лежало на узкой кровати, а глаза Анны надолго уперлись в низкий, серый потолок.

«Господи... Как в гробу...» — тут же испуганно заголосил мозг.

Сказать, что Анне в эту секунду стало стремно — это ничего не сказать. Глухая, сырая подвальная каморка кошиво-на абсолютно без окон давила на психику со всех сторон. Разум начал лихорадочно подсовывать самые ужасные картины. Ей вдруг отчётливо представилось, как её выносят из этой коморки мёртвую... А потом накатил другой страх, показалось будто в углу кто-то стоит и смотрит на неё, а из темноты тянутся невидимки руки и начинают душить. Эти мысли давили безжалостно и мгновенно накрыла апатия.

Но она переборола себя. Аня включила экран телефона, выбрала бодрящую песню и преодолевая эту давящую стену и физическую боль, она всё-таки заставила себя сесть на край постели.

— Пора, красавица, пора! — хмуро подбодрила она себя, надевая очки. — Туалет с ночи, а точнее терпение мочевого

пузыря, не бесконечны. Так что...

Она медленно поднялась, накинула длинный халат и поплелась к выходу, чувствуя, как тяжело дается каждый шаг.

— Зато подтянуть получится всё тело... — снова попыталась она вернуть себе остатки юмора. — Это же у тебя на работе бесплатный фитнес. Так что...

Анна резко прервала свой внутренний монолог. Из дальней двери кухни вышла Лена, навстречу Анне. Она несла два тщательно закрытых пластиковых контейнера, доверху наполненных свежим вареным рисом и наспех завернутых в старое, заношенное махровое полотенце, чтобы еда не успела остыть. Поняв, что Анна застряла тяжелым взглядом на этом теплом свертке, Лена поспешно, заискивающе заговорила, будто оправдываясь за свой утренний набег:

— Хорошо, что сегодня выходной, можно хоть перевести дух... Но чуть успела взять рис! И как они только успевают... Я каждый раз прихожу на десять минут раньше, и всегда последнее доскребаю!

Анна молча слушала её, чувствуя, как из коридора тянет густым, специфическим запахом дешевого вареного риса.

— Доброе утро, — тихо произнесла Лена, перехватив контейнеры поудобнее. — Как вы?

— Спасибо, нормально. А вы? — сухо отозвалась Анна, удерживая спину прямой, несмотря на ноющий разлом в пояснице.

— Я вчера слышала ваш плач за стеной, — Лена отвела

взгляд и тяжело вздохнула. — У меня прямо сердце сжалось от того, какие мы все здесь ненужные, лишние...

— Ну, нас никто сюда не звал. И на веревке не привязал, — поправив очки, отрезала Анна.

Лена удивленно моргнула, явно не ожидая такой жесткости от изможденной иностранки.

— Ну да, не привязал... — пробормотала она, пятясь к своей двери. — Ладно, удачи вам...

И она поспешно скрылась в своей комнате. Анна проводила её взглядом, развернулась и зашла в двери общей кухни. Открыв тяжелую крышку огромной промышленной рисоварки, она застыла. Внутри было абсолютно чистое, выскребенное другими соседями досуха металлическое дно. Пустота.

Запасов ни крошки. Превозмогая боль, она доковыляла до ближайшего дешевого магазина у дома и на последние деньги набрала самый скромный улов: продукты на пару дней, а также две упаковки яиц в хлипких, полностью прозрачных пластиковых блистерах на круглых защелках. Корейский продавец сложил всё это в один тонкий, копеечный полиэтиленовый пакет.

Анна медленно шла обратно по серому тротуару промышленной зоны Ансана. Корейская летняя жара стояла невыносимая — душная, липкая, тяжелая баня, которая высасывала из нее последние силы. Каждые сто метров давались с каторжным трудом, ноги гудели как натянутые тросы.

Пакет не выдержал прямо посередине уличного перекрестка. Раздался резкий, сухой треск, и всё содержимое лавиной плюхнулось прямо на горячий асфальт под ноги Анны.

Большая часть яиц из раскрывшихся от удара блистеров разбилась мгновенно, даже не успев прокатиться. Они плюхнулись всей массой на серый тротуар, создав большую, клейкую, желто-белую яичницу под палящим корейским солнцем. Вокруг этого месива разлетелись остальные продукты, а тяжелая бутылка минеральной воды укатилась далеко в сторону. Анна в полном оцепенении застыла над этой грязной кучей. Позор и унижение обожгли её изнутри. Превозмогая дикую боль, она всё-таки наклонилась и стала собирать продукты. И в этот миг появился заношенный, дешёвый мужской кроссовок. И чьи-то мозолистые, рабочие руки ловко перехватили на асфальте семь уцелевших яиц, которые упрямо катились по наклонной дороге, прочь от липкого месива всего в метре от неё. А укатившуюся далеко бутылку воды аккуратно подобрала старенькая, согнутая пополам корейская бабушка с тележкой для сбора картона, тихо подав её Анне со словами сочувствия на своем языке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.